
Кира Грин
Родная кровь
18+

Кира Грин

Родная кровь

«Автор»
2026

Грин К.

Родная кровь / К. Грин — «Автор», 2026

Мы выросли в одной семье, делили одну крышу и называли друг друга братом и сестрой. Но кровь, которая текла в моих венах, не имела к Делломарам никакого отношения. И Демиан знал об этом с самого начала.

© Грин К., 2026
© Автор, 2026

Кира Грин
Родная кровь

Глава 1

Половина шестого утра, и воздух ещё держит ночную прохладу — к полудню от неё не останется ничего, но сейчас я благодарна за каждый градус. Туман цепляется за верхушки сосен на базе, стелется по гравийной площадке, где уже выстроились карабины, верёвки и восемь заспанных лиц, которым я через секунду испорчу настроение.

— Девяносто кэ-ноль-пять, — говорю я, вытягивая верёвку на всю длину и проверяя оплётку пальцами, сантиметр за сантиметром. — Если кто-то спросит, почему я трогаю каждый метр руками вместо того, чтобы просто доверять производителю, — потому что производитель не полезет с вами на скалу, если верёвка перетёрлась о камень в прошлом сезоне. Я полезу. Так что да, я параноик. Живите с этим.

Кто-то из группы нервно хихикает. Хорошо. Страх — это нормально, пока он не превращается в панику на высоте сорока метров.

— Карабины проверяем муфтой вверх, замок прикручен до упора, не наполовину, — я показываю, щёлкая затвором так, что звук разносится по площадке, как выстрел. — Если я увижу хоть один недовёрнутый, я лично спущу вас вниз и отправлю домой пешком. Вопросы?

Вопросов нет. Отлично. Я продолжаю раскладывать снаряжение по рюкзакам, и руки делают это сами, без участия головы, — хорошо, потому что голова у меня сейчас работает плохо. Я не спала толком три ночи подряд, и организм начинает это выражать не усталостью даже, а какой-то звенящей злостью, которую хочется на кого-нибудь выплеснуть.

— Доброе утро, — голос раздаётся слишком близко, у самого плеча, и я чувствую запах кофе раньше, чем вижу термос.

Чарльз стоит так, что между нами остаётся сантиметров тридцать — меньше, чем положено нормальному человеку, когда к нему подходят не обниматься. Длинные русые волосы собраны в хвост, прядь выбилась и падает на серый глаз, и он смотрит на меня с тем выражением, которое я научилась распознавать ещё год назад: мягким, осторожным, выжидающим — будто он надеется, что если смотреть достаточно долго и достаточно тихо, я вдруг решу посмотреть в ответ по-другому.

— Ты сегодня особенно злая, — говорит он, протягивая термос. — Я бы даже сказал — опасно злая. Группа может подумать, что ты их на скалу вести не собираешься, а скидывать.

— Отличная бизнес-модель, — я беру термос, не глядя на него, и делаю глоток. Кофе горячий, крепкий, ровно такой, каким Чарльз его заваривает всегда, зная, что мне нравится. Это должно бы тронуть. Вместо этого раздражает. — Клиент платит, клиент летит. Быстрее, чем канатная дорога, и без очереди.

— Кардс.

— Что?

— Ты в порядке?

Вопрос звучит тихо, почти по-дружески, и в этом вся проблема: он действительно беспокоится, по-настоящему, без подтекста — ровно до тех пор, пока я не поднимаю глаза и не вижу, что подтекст там всё-таки есть, просто спрятан глубже обычного.

— Я в порядке, Чарльз. Я всегда в порядке. Это моя суперспособность, — я протягиваю термос обратно, чуть резче, чем нужно. — А вот ты сейчас стоишь в зоне, где я разматываю страховочную систему, так что если не хочешь получить карабином по колену — отступи на метр.

Он отступает. Не обижается — улыбается только, кротко, будто давно привык, что я так огрызаюсь, и для него это тоже часть какого-то своего языка, на котором он меня читает лучше, чем мне хотелось бы.

Я не собираюсь ничего обсуждать. Ни бессонную ночь, ни то, почему за последние две недели я трижды просыпалась от того, что телефон вибрировал сообщением от Тапера, которое я не открывала, ни то, что слово «свадьба», сказанное вслух в моей голове, до сих пор отдаётся как пощёчина с отсрочкой. Не с Чарльзом. Не с человеком, который смотрит на меня не как на коллегу, а как на что-то, что можно подобрать, если я вдруг окажусь достаточно разбитой, чтобы согласиться на утешение. Мне не нужно утешение. Мне нужно, чтобы руки держали верёвку, ноги держали скалу, а голова молчала хотя бы восемь часов подряд.

— Загружаемся! — кричу я группе, и восемь человек с облегчением хватают рюкзаки, радуясь, что можно наконец двигаться, а не стоять под моим взглядом. — Кто будет блевать в фургоне — сидит у окна и делает это аккуратно, я не нанималась мыть салон.

Чарльз грузит баллоны с водой в прицеп, и я слышу, как он что-то напевает себе под нос — нарочито беспечно, как будто я его не задела минуту назад. Я иду к водительской двери, забираюсь в кабину, завожу двигатель. Зеркало заднего вида на миг ловит моё отражение: глаза красные от недосыпа, челюсть сжата так, что завтра будет болеть.

— Все пристегнулись? — спрашиваю я уже через плечо, не дожидаясь ответа, и выжимаю сцепление. Фургон трогается, гравий хрустит под колёсами, и база вместе со всем, что в ней осталось не сказанным, уплывает назад, в туман.

* * *

Скала встречает меня сухим, нагретым за ночь камнем — он ещё держит вчерашнее тепло, хотя воздух успел остыть к рассвету. Я иду первой, без страховки с чужих плеч, только собственная система и привычка, которая въелась в тело глубже, чем любая мысль о Тапере.

— Смотрим на мои руки, не на мои ноги, — бросаю я группе через плечо, находя первый зацеп двумя пальцами. — Ноги врут, руки — нет. И да, если кто-то спросит, страшно ли мне — нет, не страшно, мне скучно спускаться потом за теми, кто решил, что скалолазание — это как в инстаграме.

Смех снизу, нервный, но живой. Я поднимаюсь ровно, экономно, щёлкаю карабином о следующую точку, не глядя — рука помнит расстояние без участия глаз. Солнце ещё низкое, бьёт сбоку, и камень под пальцами тёплый с одной стороны, холодный с другой, будто у него тоже есть свои счёты с утром.

На середине маршрута, там, где тропа сужается до карниза шириной с ладонь, у меня за спиной раздаётся сдавленный звук — не крик, хуже, застрявший в горле хрип. Оборачиваюсь: парень из группы, кажется Дэн, прилип спиной к скале, пальцы впились в трещину так, что побелели костяшки, а глаза смотрят вниз, туда, куда смотреть нельзя.

— Дэн. Дэн, смотри на меня, — голос у меня не повышается, наоборот, падает, становится ровным и тяжёлым, как камень под ногами. — Вниз не смотрим. Смотрим на мой подбородок. Видишь мой подбородок?

— Я… я не могу…

— Можешь. Ты уже стоишь, значит, можешь. Дыши носом, выдыхай ртом, два раза медленно.

Он выдыхает, дрожа, и я вижу, как плечи чуть опускаются — паника отступает на полшага, не больше, но этого достаточно. Я спускаюсь на пару движений ближе, беру его страховку в свою руку, перепроверяю узел одним движением пальцев, не глядя, потому что руки знают это лучше головы.

— Правая нога на тот выступ, что под коленом. Не ищи глазами — я скажу. Вот так. Молодец. Теперь левая рука чуть выше, там трещина как раз под твои пальцы.

Он двигается, неуклюже, но двигается, и спустя три таких команды карниз остаётся позади, а я чувствую, как в груди у меня разжимается что-то, о существовании чего я и не подозревала минуту назад.

Адреналин бьёт в кровь резко, горячо, выжигая всё лишнее — и на секунду, ровно на секунду, в голове не остаётся ни пустой постели, ни телефона с непрочитанными сообщениями, ни лица Тапера, каким я видела его в последний раз. Есть только камень, высота и чужой страх, который я только что держала в своих руках и не уронила.

— Кардс, чисто сработано, — голос Чарльза снизу, он страхует второй верёвкой, запрокинув голову, и солнце бьёт ему прямо в лицо, но он не щурится, смотрит на меня.

— Это моя работа, Чарльз, — отвечаю я, не оборачиваясь, хотя чувствую этот взгляд спиной, будто он тёплый, как камень под пальцами. — За это мне, собственно, и платят.

— Я не об этом.

Я всё-таки смотрю вниз. Он держит верёвку обеими руками, готовый в любую секунду принять вес, и смотрит на меня дольше, чем нужно для простой страховки, дольше, чем смотрят на коллегу. Взгляд цепляется, и на долю секунды я забываю, что собиралась сказать что-то колкое.

— Трави верёвку, — говорю вместо этого, резче, чем нужно. — У меня ещё десять метров и клиент, который уже решил, что я героиня дня, а мне ещё спускать его с горы живым.

Чарльз улыбается — кротко, одними уголками губ, — и отводит взгляд первым, занявшись карабином, которому не требовалось никакого внимания.

Я долезаю до вершины последней, подтягиваю Дэна за собой, и когда он, оказавшись на плоском камне, начинает нервно смеяться от облегчения, я позволяю себе ровно одну секунду — встать, выпрямиться, посмотреть вниз на лес, сползающий складками к горизонту, и почувствовать, как внутри что-то расправляется, прочно и спокойно. Я сделала это сама. Никто не держал меня за руку, никто не спасал меня от собственного страха — я спасла кого-то другого от его. Это немного, но это моё, и прямо сейчас, на этой высоте, это единственное, что держит меня на ногах крепче любой верёвки.

* * *

Плато встречает нас плоским камнем, нагретым солнцем так, что сквозь штаны чувствуется тепло, и видом, от которого даже самые уставшие туристы достают телефоны. Я сажусь на край, свешиваю ноги, пью воду прямо из горлышка фляги, и на секунду мне почти хорошо.

Почти — потому что Чарльз садится рядом, причём не рядом в смысле «на этом же плато», а рядом в смысле «плечом к плечу», так что я чувствую запах его пота и солнцезащитного крема, смешанный во что-то неожиданно приятное.

— Подвинься, — говорю я без особой угрозы в голосе, но он только улыбается и не двигается ни на сантиметр.

— Здесь лучше вид, — отвечает он, глядя не на лес внизу, а на меня.

Группа щёлкает затворами телефонов, Дэн что-то восторженно рассказывает двум девушкам про то, как он чуть не умер на карнизе, превращая свой позор в геройскую сагу прямо у меня на глазах, и на это хотя бы можно отвлечься. Но Чарльз не даёт отвлечься надолго.

— Ты теперь свободна, — говорит он таким тоном, будто это не вопрос, а факт, который он давно вычислил и просто ждал удобного момента озвучить. — В смысле, насовсем. Без Тапера.

Слово «Тапер» произносится у него с какой-то деликатной брезгливостью, будто он держит его двумя пальцами, как использованный бумажный стаканчик.

— Чарльз, — говорю я, не оборачиваясь к нему, — мы сейчас на высоте полутора тысяч метров, где воздух разрежен, а у тебя, похоже, кислородное голодание мозга.

— Я серьёзно. — Он всё-таки поворачивается ко мне корпусом, и я вижу его серые глаза, честные до неловкости, и русую прядь, выбившуюся из хвостика. — Может, сходим выпить. После смены. Просто как друзья, если тебе так спокойнее.

«Как друзья» он произносит так, что сразу ясно: ни разу не как друзья.

Что-то во мне — усталое, издёрганное бессонной ночью — хочет сказать «да» просто назло всему миру, просто чтобы кто-то смотрел на меня так, будто я не руины после пожара. Но вместо этого я чувствую укол раздражения, резкий и неприятный, направленный, как ни странно, не на него. На себя. За то, что мне вообще на секунду этого хочется.

— Знаешь что было бы спокойнее? — говорю я, встаю на ноги и отряхиваю штаны от каменной крошки. — Если бы ты проверил узлы у группы вместо того, чтобы разводить меня на свидание на высоте полутора тысяч метров.

— Это не развод, — говорит он тихо, уже без улыбки, и в этой кротости слышится что-то почти обиженное, но он не настаивает, не давит, просто смотрит снизу вверх, пока я стою над ним.

— Маршрут вниз сложнее подъёма, — говорю я, глядя уже не на него, а на тропу, уходящую вниз сквозь редкий сосняк. — Там сыпуха на два участка, нужно идти плотной группой.

И тут, совершенно некстати, в голове всплывает лицо Тапера — не то, каким оно было два года, а то последнее, перед дверью, когда он говорил «прости, это ничего не значило», и его губы двигались так убедительно, с такой отработанной искренностью, что я почти поверила, если бы не помнила, как эти же губы говорили мне «люблю» неделей раньше, уже зная про Кейт. Слова извинений, которые стоят ровно столько, сколько воздуха потребовалось, чтобы их произнести.

Горло сжимает резко и неожиданно, как судорога в икре на крутом подъёме — внезапно и обидно не вовремя.

— Так, народ, — говорю я громче, чем нужно, обрывая и мысль, и воспоминание одним движением, будто перерезаю верёвку ножом. — Фотосессия окончена, собираем манатки, у нас ещё три часа спуска и я не планирую ночевать на этой горе из-за того, что кто-то фоткал закат вместо того, чтобы пить воду.

Дэн вскакивает первым, послушно закидывая рюкзак на одно плечо, девушки щёлкают последний кадр и тоже встают. Чарльз поднимается медленнее, отряхивая колени, и бросает на меня взгляд, в котором нет ни злости, ни обиды — только терпеливое, почти собачье ожидание, будто он готов ждать сколько угодно, лишь бы однажды я ответила по-другому.

— Собирайся, Чарльз, — говорю я уже мягче, потому что он ни в чём не виноват, а вина, которая во мне ворочается, принадлежит совсем другому человеку. — У тебя шнурок развязан, и это гораздо опаснее, чем всё, о чём ты меня сейчас спрашивал.

Он смотрит вниз на свой ботинок, хмыкает, наклоняется завязать, а я уже иду вперёд, впереди группы, туда, где тропа ныряет в тень сосен, и говорю себе, что это просто усталость, просто плохая ночь, просто гора, которая всегда забирает лишнее и никогда не отдаёт обратно. Но укол под рёбрами не проходит до самого спуска.

* * *

Костёр уже не горит, а тлеет, рассыпая искры в темноту, и от него тянет дымом, въевшимся в куртку так плотно, что завтра придётся стирать её дважды. Палатки стоят ровным полукругом, в двух из них ещё шуршат спальники, из третьей доносится приглушённый смех Дэна — кто-то травит байки про медведей, которых здесь отродясь не было. Я сижу на бревне чуть в стороне, грею руки о кружку с остывшим чаем, и мне хорошо ровно до тех пор, пока мозг не решает, что пора вспомнить.

Две недели назад. Квартира Тапера, та самая, где я знала расположение каждой кружки в шкафу. Я вернулась раньше с работы, потому что смену отменили из-за ливня, и хотела удивить его — глупость, за которую мне до сих пор стыдно саму себя. Дверь открылась тихо, ключ у

меня был свой. В коридоре — её туфли, рыжие лодочки, которые я сама же советовала Кейт купить в том магазине на Мелроуз. А потом звук из спальни, который ни с чем не спутаешь, и я стою в прихожей с мокрым зонтом в руке, как полная дура, и слушаю собственную лучшую подругу.

Я не кричала. Это странно, я до сих пор удивляюсь, что не кричала. Просто повернулась и ушла, аккуратно прикрыв дверь, будто боялась их разбудить, хотя они явно не спали.

Усмехаюсь в темноту, сама себе, беззвучно. Ну хоть есть за что уважать собственный вкус на катастрофы — надо было умудриться, чтобы это оказалась именно Кейт, а не какая-то безликая случайная сучка. Классика жанра, мать его. В любой дешёвой мелодраме героиню предают с лучшей подругой, просто в моей версии предательство случилось на кухне, где стояла банка кофе, которую я сама туда поставила месяц назад.

Прихлёбываю остывший чай, морщусь — горький, трава разварилась. Две недели я сплю на раскладном диване у Мии, подтянув колени к груди, потому что диван на размер меньше, чем мои почти сто семьдесят сантиметров роста, и каждое утро просыпаюсь с затёкшей шеей и ощущением, что нахожусь не дома, а в гостях у собственной жизни. Мия не жалуется, но я вижу, как она прячет зевок, когда я в полседьмого встаю собираться на смену, и как её парень Алекс смотрит на меня с тем особенным вежливым терпением, с каким смотрят на гостя, который слишком затянул визит.

Это не решение. Я понимаю это с той же ясностью, с какой понимаю разницу между страховочной верёвкой и декоративной — диван у Мии держит меня примерно так же, просто создаёт иллюзию, что подо мной есть опора, пока я не посмотрю вниз.

Костёр щёлкает, выбрасывая сноп искр, и одна из них гаснет у меня перед глазами, не долетев до земли. Мне нужно не пристанище. Пристанище я могу найти где угодно — хоть в мотеле у трассы, хоть в палатке прямо здесь, у подножия этих скал, которые хотя бы честны со мной и никогда не притворяются чем-то, чем не являются. Мне нужны стены, за которыми не нужно улыбаться, когда не хочется, не нужно благодарить за гостеприимство, не нужно выслушивать, как кто-то вполголоса обсуждает мою личную жизнь в соседней комнате, думая, что я уже сплю.

И первым, о ком я думаю, — почему-то Демиан.

Не потому что мы особенно близки, последние годы между нами скорее вежливая дистанция взрослых людей, которые когда-то жили одной семьёй, а теперь созваниваются по праздникам и раз в пару месяцев ужинают в его идеально обставленной квартире, где я всегда боюсь поставить бокал не на ту подставку. Но у него есть дом — настоящий, большой, с лишними комнатами, которые пустуют, потому что он слишком занят своими небоскрёбами, чтобы завести в них жизнь. И есть то, чего я не нахожу больше нигде: право быть в его доме просто потому, что я его сестра, без необходимости отрабатывать это чем-то — улыбкой, благодарностью, вежливым молчанием о собственных проблемах.

Мысль неприятно царапает что-то в груди, и я не сразу понимаю, что именно. Может, гордость, которая восстаёт при одной идее попросить брата о помощи, будто я опять семнадцатилетняя девчонка, которую надо спасать. А может, что-то другое, более смутное, чему я пока не хочу давать имя, — лёгкое неудобство при мысли о том, чтобы снова жить под одной крышей с ним, слишком близко, слишком долго.

Отгоняю это ощущение тем же движением, каким отгоняю комара от уха, — резко, не задумываясь. Допиваю остывший чай одним глотком, морщусь от горечи, встаю с бревна. Завтра спуск, послезавтра — выходной. Самое время сделать звонок, который я откладывала две недели, маскируя трусость заботой о чужом покое.

* * *

Телефон лежит на колене экраном вверх, и одна полоска сигнала то появляется, то исчезает, как будто связь с миром здесь, на высоте, вопрос настроения, а не физики. Костёр доедает

последнее полено, угли дышат оранжевым, и я смотрю на этот свет дольше, чем нужно, лишь бы не смотреть на экран.

Все давно разошлись по палаткам. Только я сижу на бревне, завернувшись в куртку, и слушаю, как где-то внизу по склону ворочается ветер в соснах. Хороший звук. Честный. Он не обещает ничего, что не собирается выполнить.

Я разблокирую телефон раньше, чем успеваю себе это запретить.

Переписка с Тапером открывается сама, будто телефон знает мой маршрут лучше меня самой. Сверху — его последнее сообщение, двухнедельной давности: «Делия, пожалуйста, ответь. Я всё объясню». Под ним ещё одно, часом позже: «Это ничего не значило». Классика жанра — объяснение, которое отменяет слово «ничего» уже самим фактом существования.

Листаю выше. Там, в прошлом, мы ещё смешные — он присылает фотографию кота соседей с подписью «твой клон, только рыжее», я отвечаю голосовым, которое невозможно слушать без того, чтобы не хотелось придушить саму себя за эту интонацию. Там я ещё не знаю.

Палец зависает над экраном. Не читаю больше, не хочу, мне и так хватило той картины две недели назад — Кейт на его кровати, с его простынёй до плеч, и то, как они оба застыли, будто кто-то на середине нажал паузу в плохом кино. Хватило настолько, что хочется не просто закрыть чат, а выжечь его из телефона вместе с номером.

Нажимаю «удалить переписку». Экран коротко мигает подтверждением, и всё — ни слов, ни фотографий, ни голосовых. Будто стираешь мелом с доски человека, которого две недели назад считала своим будущим. Жаль, что из головы так легко не стирается.

Пальцы сами, без спроса, листают контакты дальше, и останавливаются на имени «Демиан».

Смешно, но мысль о нём приходит почти с облегчением, будто я до этого искала в темноте выключатель и наконец нащупала его на привычном месте. Демиан никогда не спрашивает, почему у меня красные глаза. Не лезет с сочувствием, от которого хочется зарычать. Он просто ставит передо мной тарелку с едой и говорит что-то совершенно не по теме — про очередной свой проект, про то, что подрядчик опять сорвал сроки, — и этого почему-то хватает, чтобы перестать трястись изнутри.

При нём не нужно быть сильной. Странно — потому что именно рядом с ним я всю жизнь пыталась доказать обратное.

Гордость подкатывает к горлу раньше, чем я успеваю набрать номер. Просить его — значит снова стать той семнадцатилетней, которую он забирал из полицейского участка после того, как я разбила машину родителей на горном серпантине, доказывая себе, что умею держать руль не хуже отца. Значит снова увидеть в его взгляде то самое выражение — не злость, хуже, терпеливую снисходительность старшего, который давно смирился, что младшая сестра будет постоянно вляпываться в неприятности, а он будет их разгребать.

Я не хочу быть его обязанностью. Никогда не хотела.

Но диван Мии с каждым днём становится всё жёстче, а вежливое терпение Алекса — всё заметнее, и альтернативы у меня, по сути, две: гордость или крыша над головой. Сижу на бревне, пока угли костра подёргиваются пеплом, и впервые за две недели честно признаюсь себе — я вымоталась. Не от похода, не от скал, а от необходимости каждое утро собирать себя заново из того, что от меня осталось.

Нажимаю на имя «Демиан» раньше, чем успеваю передумать ещё раз.

Телефон у уха, гудки длинные, редкие — здесь, в горах, даже звонок звучит так, будто ему приходится карабкаться по склону, чтобы добраться до адресата. Один гудок. Второй. Я уже почти готова сбросить, придумать себе оправдание на завтра, но где-то на третьем гудке что-то внутри меня разжимается — медленно, нехотя, как узел на мокрой верёвке, который отказывался поддаваться весь день, а потом вдруг поддаётся весь и сразу.

Я не знаю, что скажу, если он ответит. Я даже не уверена, что хочу, чтобы он ответил именно сейчас, пока я ещё не придумала, как это всё произнести вслух, не прозвучав жалко.

Гудок обрывается щелчком.

* * *

— Делия.

Голос у него такой же, как всегда — ровный, с ленцой, будто он только что оторвался от чертежа и не особо торопится обратно. От этого голоса что-то в груди перестаёт сжиматься, хотя я и не признаюсь себе зачем он мне вообще нужен, этот эффект.

— Привет, — говорю я и слышу, как у меня самой голос садится на полтона, выдаёт усталость раньше, чем я успеваю её спрятать.

— Ты в горах. У тебя сигнал как у инопланетного корабля — то есть, то нет.

— Погода тут не для связи, Демиан, тут вообще-то скалы, а не вышки сотовой связи.

Короткая пауза, и я почти вижу, как он откидывается на спинку кресла, где-то в своём кабинете, среди макетов будущих офисных зданий и разбросанных эскизов. Потом он спрашивает, негромко, без нажима:

— Тебе нужно что-то?

Не «как дела», не «как поход». Сразу в точку. Будто знал, зачем я звоню, ещё до того, как я сама себе в этом призналась. И от этого знания внутри вспыхивает раздражение — острое, мгновенное, как от занозы.

— С чего ты взял, что мне что-то нужно? Может, я просто соскучилась по твоему занудству.

— Делия. — Он произносит моё имя так, будто уже всё понял, и это злит ещё больше, потому что он прав. — Ты не звонишь мне в десять вечера из леса просто так. Что случилось?

Я смотрю на угли костра, которые уже почти погасли, и выдыхаю через нос. Гордость шипит внутри, требует отшутиться, уйти в сторону, но сил играть эту партию до конца у меня уже нет.

— Мне нужно где-то пожить, — говорю я, и слова выходят быстрее, чем я планировала, будто сорвались с обрыва вместе со мной. — Недолго. Пока не найду квартиру.

Тишина на том конце длится ровно столько, чтобы я успела пожалеть о звонке. А потом он произносит, совершенно спокойно, будто речь идёт о доставке пиццы:

— У тебя есть комната. Давно уже есть.

Вот тут меня и подбрасывает. Не от слов, а от того, с какой лёгкостью он их говорит — будто давно всё решил за меня, будто ждал этого разговора с того самого дня, как я вернулась домой раньше времени и застала Тапера с Кейт. Будто знал, что я рано или поздно приползу.

— То есть ты мне тут типа одолжение делаешь, да? — цежу я сквозь зубы, хотя внутри что-то предательски теплеет от того, что комната, оказывается, давно есть. — Спасибо, братец, я прямо расцвела от такой щедрости.

— Я не делаю одолжение. — В его голосе появляется усмешка, та самая, знакомая с детства, когда он точно знает, что я сейчас кусаюсь не потому, что злюсь, а потому что не умею иначе благодарить. — Просто говорю очевидное.

— Очевидное — это что я взрослая женщина, которая прекрасно справляется сама.

— Конечно. Именно поэтому ты звонишь мне в десять вечера из леса.

Я фыркаю, и в этом фырканье больше смеха, чем мне хотелось бы показать. Старая игра, которую мы оба знаем наизусть: он подкалывает, я огрызаюсь, и где-то между этими уколами проскакивает то, что ни один из нас никогда не называет вслух — что мы, в общем-то, друг другу нужны куда больше, чем готовы признать.

— Ладно, умник. Когда можно привезти вещи?

— В субботу я дома весь день. Привози сколько влезет, в гараже место есть.

Простая фраза, и ничего особенного в ней нет, а я вдруг чувствую, как к горлу подкатывает что-то вязкое, тёплое — не то благодарность, не то облегчение, не то что-то, чему я пока не хочу давать имя. Он даже не спросил, что случилось с Тапером. Не полез с сочувствием, не стал читать нотации про то, что я предупреждала. Просто сказал: привози вещи. Он всегда так — заботится через дело, а не через слова, и почему-то именно от этого хочется разреветься больше, чем от любых утешений.

— Спасибо, Дем, — говорю я тихо, без сарказма, впервые за весь разговор.

— Не за что. — Пауза, короткая, а потом: — Выспись хоть немного. У тебя голос, как будто ты неделю не спала.

— Иди к чёрту со своей наблюдательностью, — беззлобно огрызаюсь я, и он смеётся на том конце, коротко, тепло, и этот смех остаётся где-то под рёбрами ещё долго после того, как я нажимаю отбой.

Я сижу на бревне, телефон тускнеет в руке, экран гаснет, и вокруг снова темнота — настоящая, горная, без единого городского огонька. Угли костра едва тлеют, и от них тянет сухим теплом, последним перед тем, как всё остынет окончательно. Где-то наверху, за кронами, звёзды такие частые, что кажется, будто небо треснуло и просыпалось вниз сквозь прорехи.

Здесь, на этой горе, под этим небом, всё, что было у меня с Тапером, наконец отпускает — не рывком, а медленно, как отпускает мышцу после долгого подъёма. А впереди — дом, в котором я не жила своей собственной жизнью уже очень давно, дом брата, который всегда знал обо мне больше, чем я готова была ему позволить.

Я не знаю ещё, что меня там ждёт. Знаю только, что в субботу повезу коробки в гараж, где, оказывается, для меня давно есть место.